

УДК 37.012.2

КРОВЬ ПУШКИНА НА ФРАНКОФОНЕ, НЕ СДАВАВШЕМ ЭКЗАМЕН ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ВЛИЯНИЕ ФРАНКОФОНИИ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Колобкова А.А.

*АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», Мытищи,
e-mail: akolobkova@yandex.ru*

В статье дается анализ событий, происходивших в обществе и, в частности, в образовательном пространстве Российской империи в первой половине XIX в., а также личностных, социально-адаптивных качеств Жоржа Шарля д'Антеса, повлиявших на неизбежность трагических событий дуэли 27 января 1837 г. В приведенных архивных материалах, переписке, воспоминаниях участников событий, связанных с «освобождением» д'Антеса от сдачи экзамена по русской словесности в 1834 г., обосновывается идея о том, что франкофония аристократической и, необходимо отметить, образовательной среды не позволила выявить и рассмотреть циничный прагматизм, жестокость, нравственную деформацию в поведении шуана, также повлиявшие на провоцирование трагедии 1837 г. Не закончивший образование во Франции, д'Антес, носитель европейских ценностей своего времени, в России карьеру строит по протекции, без утруждения. Проанализированы факторы образовательного содержания (чего был «лишен» д'Антес, не получивший образования в российском военном учебном заведении) реформы военного образования в России начала XIX в., а также роль франкофонии в становлении молодых юнкеров. Дискуссионным остается вопрос о взаимобусловленности незнания русского языка и тотальной франкофонии в нагнетании событий 1837 г.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Ж.Ш. де Геккерен д'Антес, дуэль, русская словесность, нравственное воспитание, роль образовательной среды, франкофония

PUSHKIN'S BLOOD ON THE HANDS OF FRANCOPHONIE WHO DID NOT PASS RUSSIAN LITERATURE EXAM: THE INFLUENCE OF FRANCOPHONIE ON EDUCATION IN RUSSIA IN EARLY XIX CENTURY

Kolobkova A.A.

Russian University of Cooperation, Mytitschi, e-mail: akolobkova@yandex.ru

The article gives an analysis of the events that took place in Russian empire's educational environment in the first half of the XIX century, as well as personal qualities and social adaptability of Georges Charles de Geckeren d'Antes, which determined the inevitability of the tragic events of the duel on January 27, 1837. Archival materials, correspondence and memoirs of the events to do with d'Antes' exemption from the exam on Russian literature in 1834 are given. These documents substantiate the idea that the Francophonie of the aristocratic and, it should be noted, educational environment did not allow for identification and consideration of cynical pragmatism, cruelty, and moral deformation in the behavior of Georges Charles de Geckeren d'Antes, provoking the tragedy. D'Antes, who never finished his education in France and was a bearer of the European values of his time, builds a career in Russia under protection, without much work. The role of reform in military education and the Francophonie on the formation of young cadets is analyzed. The question of the interdependence of ignorance of the Russian language and total francophonie in escalating the events of 1837 remains debatable.

Keywords: A.S. Pushkin, J.C. de Geckeren d'Antes, duel, Russian literature, moral education, role of educational environment, Francophonie

В дискурсе о фатальной детерминированности событий дуэли 27 января 1837 г. до сих пор остается множество «белых пятен». Сегодня в языкознании, истории, литературоведении пушкинистами представлено множество исследований, определивших догматичную хрестоматийность понимания событий дуэли. Неоспоримым является факт, что поединок А.С. Пушкина и Ж.Ш. де Геккерен д'Антеса – самое знаковое событие XIX в., повлиявшее на развитие русской культуры. Исследователи всего мира подчеркивают многозначность дуэли в ее трактовании и поиске виноватого [1]. Сама казуальность произошедшего достаточно эклектична и в общеевропейском понимании: с одной стороны, Российская империя, весь русский мир

потерял гения, с другой стороны, убийца Пушкина – франкофон, прибывший всего за три с небольшим года до роковой дуэли в Российскую аристократическую среду всеобъемлющей франкофонии, который, по М.Ю. Лермонтову (а М.Ю. Лермонтов, в отличие от д'Антеса, по «полной программе», со сдачей экзаменов, закончил военное учебное заведение), «дерзко презирал земли чужой язык и нравы». Открытым остается вопрос не только о способности д'Антеса по-другому отреагировать на письмо А.С. Пушкина, обращенное в адрес его приемного отца, но и в целом об адекватной оценке гения Пушкина, «не мог щадить он нашей славы; не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал». Исследование личностных ка-

честь Ш. де Геккерен д'Антеса видится нам вопросом, требующим отдельного рассмотрения и осмысления. Дискуссионным остается вопрос о взаимообусловленности незнания русского языка и тотальной франкофонии в нагнетании событий 1837 г.

Реформы военного образования в России начала XIX в. должны были способствовать укреплению духа и развитию патриотизма молодых российских офицеров. Однако д'Антес, носитель европейских ценностей своего времени, в России карьеру строит по протекции, без утруждения. Став русским офицером, он остался человеком далеким от понимания этических норм русского общества.

Данное исследование направлено на анализ событий, происшедших в обществе и, в частности, в образовательном пространстве Российской империи в первой половине XIX в., на выявление роли франкофонии в становлении молодых юнкеров, а также факторов образовательного содержания и личностных, социально-адаптивных качеств Жоржа Шарля д'Антеса, повлиявших на трагический исход конфликта с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Материалы и методы исследования

Источниковой базой исследования являются мемуары, материалы энциклопедического характера, в частности сборники биографий кавалергардов, воспоминания современников, результаты исторических, филологических, культурологических исследований по данной теме.

При отборе и изучении источников в процессе исследования используются общетеоретические и специальные историко-педагогические методы: метод исторического анализа, метод логического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, интеграция и дифференциация, обобщение результатов работы с источниками.

В приведенных архивных материалах, в переписке, в воспоминаниях участников событий, связанных с «освобождением» д'Антеса от сдачи экзамена по русской словесности в 1834 г., обосновывается идея о том, что франкофония аристократической и, необходимо отметить, образовательной среды, не позволила выявить и рассмотреть циничный прагматизм, жестокость, нравственную деформацию в поведении шуана, также повлиявшие на провоцирование трагедии 1837 г.

Результаты исследования и их обсуждение

В 1990-х гг. исследователь С. Витале публикует архив (письма Ж.Ш. де Геккерен

д'Антеса, Екатерины Николаевны, Геккерена 1830–1840-х гг.) правнука барона Клода де Геккерена, который приходился Ж.Ш. де Геккерен д'Антесу правнуком [2]. Жорж Шарль д'Антес происходил из семьи, занимавшей не последнее место в Сульсе, городе, сочетающем в себе французские и немецкие ценности. Его предок Жан-Анри Антес вошел в историю как основатель оружейной мануфактуры. За эту деятельность впоследствии и был удостоен дворянского достоинства, получив герб с тремя пересекающимися шпагами на щите и приставку «д'» к фамилии.

О детстве и отрочестве Ж.Ш. д'Антеса известно немного, он третий ребенок в семье барона Жозефа Конрада д'Антеса, внучатый племянник барона фон Рейтера – командора Тевтонского ордена. Об этом периоде вскользь упоминает П.Е. Щеголев, описывая, что первоначальное образование на родине, в Бурбонском лицее Парижа (Le Collège Royal de Bourbon – называемый в XIX в. «grand lycée libéral»), им было не до конца закончено, как и учеба (ноябрь 1829 г.) в Особой военной школе в Сэн-Сире [3, с. 75] (L'École Spéciale Militaire de Saint-Cyr с двухлетней программой – своего рода компромисс между общим образованием, военной и физической подготовкой), откуда он был отчислен за участие в роялистских манифестациях [3, с. 75] по собственному желанию [4], которое опиралось на политические и сепаратистские взгляды.

Июльская революция значительно осложняет финансовое положение семьи Ж.Ш. д'Антеса, и он, решив построить военную карьеру, сначала поступает на военную службу в Пруссию, а затем, получив рекомендательные письма, положительные характеристики, в конце 1833 г. прибывает в Российскую империю для поступления на службу, приехав вместе с голландским послом, бароном Геккереном [3].

В Кавалергардский полк Ж.Ш. д'Антес попадает благодаря случаю и помощи соотечественников. Художник Адольф Ладюрне, писавший очередную работу по заказу императора, смог в выгодном свете представить Николаю I земляка-франкофона, удачно и вовремя оказавшегося в мастерской.

С.А. Панчулидзе отмечает, что именно благодаря находчивости в разговоре с Николаем I д'Антес произвел благоприятное впечатление на императора, который сказал ему перед уходом: «*Pour encourager votre culte chevaleresque, je vous offre de servir dans le regiment dont Sa Majeste est le chef*» («Дабы подбодрить Ваше почитание рыцарства, дарую Вам возможность служить в полку, возглавляемом Его Величеством»). Исключи-

тельно благодаря патронату государя вскоре состоялось зачисление д'Антеса в полк [3, с. 75]. Так, без знания русского языка и культуры молодой шуан поступил на службу в русскую армию, это был постреформенный период военного образования, восьмой год после коронации Николая I. Император на собрании офицеров Кавалергардского полка в своей речи сказал о Ж.Ш. д'Антесе: «Вот ваш товарищ. Примите его в свою семью и любите его как пажа... Этот юноша считает за большую честь для себя служить в Кавалергардском полку, он постарается заслужить вашу любовь и, я уверен, оправдает вашу дружбу» [3, с. 76]. С.А. Панчупидзев отмечает, что Ж.Ш. д'Антес, возможно, имел рекомендательные письма не только от прусского принца Вильгельма, но даже от короля Карла X [3, с. 76]. Анализируя факты высочайшей протекции и поступки самого д'Антеса, можно сделать заключение о его амбициозности, стремлении добиться военной и политической карьеры, даже минуя стандартные процедуры, об отсутствии глубоких семейных привязанностей и нравственных ценностей, связанных с верностью и патриотизмом. Исключительно благодаря протекции приближенных к Николаю I графа В.Ф. Адлерберга и возглавлявшего военное образование И.О. Сухозанета молодому французу была оказана помощь в подготовке к офицерским экзаменам.

Необходимо отметить, что в двухлетнюю программу школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров [5] со сдачей соответствующих экзаменов (а именно этого «избежал» убийца Пушкина) входили циклы основных для усвоения предметов со сдачей соответствующих экзаменов (а именно этого «избежал» убийца Пушкина), такие, как тактика, военное дело, топография, управление, артиллерия, фортификация, право, гигиена, черчение; из общеобразовательных предметов преподавались: Закон Божий, Российская словесность, французский и немецкий языки, математика, механика, физика, химия, история, экономика, государственное управление и психология [6].

Действительно, с 1831 г. все военные образовательные учреждения попадали в ведение Великого князя Михаила Павловича. В силу этого необходимо отметить, что учебные планы общеобразовательных, гуманитарных циклов военного образования 1830-х гг. вынужденно были сдерживающим свободомыслие фактором, умноженным на нравственность, послушание и исконный догматизм. Все это было обусловлено желанием предупредить какие-ли-

бо события, подобные всем тогда памятным событиям 1825 г. Исходя из этого, каждому юнкеру для успешной профессиональной самореализации необходимо было знать родной и иностранные (французский – в первую очередь) языки, естественнонаучный цикл предметов, также уставы, законы и технологию военного дела, то есть основу военного образования как такового.

Таким образом, уже в 1830-х гг. российское военное образование предусматривало повышение роли гуманитарной составляющей, что выражалось в увеличении доли неспециальных дисциплин, отвечавших за формирование идей патриотизма на глубинном уровне, способствовавших осознанию личной принадлежности и сопричастности к культуре своего народа [7]. Тут важно напомнить, что преподавание в военных учебных заведениях часто велось на иностранном, французском языке, который в образовательной среде начала XIX в., ввиду всеобщей франкофонии, даже не воспринимался как иностранный ни преподавателями, ни обучающимися. Тенденция к франкофонии в России не понудила, не побудила француза-франкофона, совершенно не знавшего ни русской культуры, ни русского языка, выучить его и даже привела к разрешению свыше не сдавать экзамен по российской словесности для получения звания корнета – первого офицерского звания в Российской армии.

27 января 1834 г., ровно за 3 года до трагической дуэли с А.С. Пушкиным, д'Антес был допущен сразу, без обучения, к офицерскому экзамену [3, с. 76]. Таким образом, не освоивший даже то небольшое, но необходимое из гуманитарно-правового цикла, включенное в учебные планы, а именно: российскую словесность, уставы, военное судопроизводство, сопряженные с российской социокультурной средой, – потенциальный российский офицер не мог ни усвоить (освоить) правил поведения, присущих подданным российской империи, ни понять значений, ценностей и смыслов, присущих российской аристократии.

Подчеркнем ещё раз, будучи освобожденным от экзаменов по вышеуказанным дисциплинам, по Высочайшему повелению 27 января 1834 г. барон д'Антес был допущен к офицерскому экзамену при Военной академии по программе школы гвардейских юнкеров и подпрапорщиков [8, с. 76], в пояснение чего уместно привести отрывок из записки В.Ф. Адлерберга д'Антесу: «Император меня спросил, знаете ли вы русский язык? Я ответил наудачу утвердительно. Я очень бы посоветовал вам взять учителя русского языка». И вновь по-

блажка, новый допуск в карьере – зачисление его в 7-й запасной, а не в действующий эскадрон, и опять же по причине того, что Ж.Ш. д'Антес совершенно не знал русского языка [8, с. 76]. Еще об одном персонаже в этой связи уместно упомянуть. Вместе с бароном д'Антесом к офицерским экзаменам, и тоже без необходимости сдачи экзаменов по словесности, был допущен еще один франкофон, также приверженец белого королевского стяга, маркиз де Пина, выдворенный впоследствии из России всего лишь за кражу серебряных ложек, в 1836 г., на год раньше выдворения д'Антеса, вставшего на пути величайшего русского поэта. Пушкин в январе 1834 г., словно предчувствуя плохое, в этой связи пишет в своем дневнике: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет». Пушкин знал, что дорога к российскому офицерскому чину была крайне сложна, и обучения, юнкерства избежать было невозможно даже для знатных, имеющих заслуги перед отечеством российских фамилий. В случае с указанными роялистами-франкофонами достаточно было носить на руке перстень с изображением *Henri V*, что, по сути, являлось пропуском к званию российского офицера.

Важным, говорящим о беспринципности человека, штрихом к портрету убийцы Пушкина является усыновление 5 мая 1836 г. совершеннолетнего, двадцати четырех лет от роду, Ж.Ш. д'Антеса, при живом и здравствующем в Сульс-О-Рене отце, бароном Геккерном, по законам Нидерландского королевства.

Возникает вопрос: а подданным какого государства считал себя Ж.Ш. де Геккерен д'Антес? Сыном кого из отцов он являлся? Стремление к карьерному росту перечеркивало даже родственные, семейные связи (за этот поступок он будет неоднократно осуждаться в родном Сульсе, уже после 1837 г.), нежелание понимать ценности и правила другой страны, России, не могло не привести к Черной Речке. Хотя ведь российское офицерское сословие – особая социальная группа, это офицерская честь, подвиги, любовь к России, которые многократно воспеты. Все это было чуждо, неинтересно и незнакомо франко-голландскому подданному в Российской империи.

Необходимо сказать, что были современники, которые все же описывали Ж.Ш. де Геккерен д'Антеса как умного, видного, прекрасно воспитанного, светского человека, приближенного к аристократическим кругам [8, с. 77]. Тем не менее массовая франкофония, присущая обра-

зованной, аристократической среде, сделала возможным вхождение в российский социум случайного, не знакомого с русской культурой, не адаптированного к ней человека. А незнание русского языка и русской культуры не позволило этому европейскому подданному-франкофону идентифицировать А.С. Пушкина как величайшего современника.

28 января 1836 г. Ж.Ш. д'Антес был произведен в поручики, и на этом кончились его повышения на российской службе. Вызывает интерес, что кавалергард, спустя три года жизни в российской империи, крайне скупое понимал и знал русский язык, претворяя в жизнь блистательную карьеру при покровительстве приемного отца, а еще его называли: «*l'un des plus beaux chevaliers gardes et l'un des hommes le plus à la mode*» [9], отмечая особую внешнюю приятность и миловидность, заносчивость и самоуверенность.

Посмеем и мы прибегнуть к условному наклонению и спросить: возможно ли было избежать трагедии 1837 года? Безусловно, дуэль была детерминирована социально-психологическими особенностями поведения Александра Сергеевича, его особой восприимчивостью, вспыльчивостью, острой, подчас саркастически болезненной реакцией на все, по его мнению, несправедливой, уродливой и бесчестной, к тому же отягощенной ревностью. Но при этом социальное поведение Жоржа Шарля де Геккерен д'Антеса характеризуется как вызывающее, нигилистически настроенное в отношении российской морали, законов и правил, а для психологического портрета характерны настроенность на успешную карьеру, на результативную самопрезентацию, неразборчивость в выборе средств достижения целей, «я-центрированное» представление о чести, важность не столько служения, сколько самопродвижения. «Неоднократно поручик барон де Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей и он должен был находиться, но не менее того... на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз». Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за три года службы в полку, достигает 44 [8, с. 77]. Это ли не яркая иллюстрация влияния не усвоенных: не только уставов как таковых, но и российской словесности, русской культуры, российских реалий?

Возможно предположить, что высочайшие особы, приведя ко двору Ж.Ш. д'Антеса, не приняли во внимание, что он малообразованный, не сведущий в российской словесности и культуре франкофон с дерзкими, вызывающими взглядами, одобряющий интриги, махинации, помогли миновать адаптационные механизмы серьезного русского военного образования, а иначе история могла бы быть переписана.

К 1836 г. в аристократических кругах столицы нагнетается ситуация, связанная с открытыми ухаживаниями Ж.Ш. де Геккерен д'Антеса за Н.Н. Пушкиной [10]. К огромному сожалению, Ж.Ш. д'Антес не сталкивается с социальной изоляцией. Представителям высшего света становится интересно, насколько эмоционально раскручиваются отношения у всех на глазах при участии многих. Прочную связь начинают говорить открыто и публично [11]. Скандал назревал. Наталья Николаевна, как Татьяна Ларина в романе, отказывает Ж.Ш. де Геккерен д'Антесу, пробуждая в нем агрессию, жестокость, подлость и злость. Только после этого последовали и анонимные письма, и в том числе роковая переписка, ставшая главным катализатором трагедии, потому как эти письма [12] представляли собой фактуру, требующую немедленной ценностной и личностной оценки с позиции защиты чести и достоинства русского человека.

Возможно, какой-то дискомфорт переживал и голландец-француз, проживающий в Российской империи. Но слова, поступки, нормы в понимании Пушкина и д'Антеса были разными, как различались и их ценности. Кавалергард д'Антес на Черной Речке 27 января 1837 г. выстрелил в великого поэта [13], нарушив правила, он не дошел одного шага до барьера. Но один шаг в России он пропустил совсем – когда при поступлении на военную службу не прошел полную аттестацию, не сдавая ключевой экзамен – по российской словесности. Если к осуществлению шага по освоению русской словесности д'Антеса так и не подтолкнула реальность образовательной среды 1830-х гг., среда повсеместной франкофонии, то в 1837 г. тот уже осознанно не дошел шага до барьера в дуэли, стремясь с минимальными потерями получить максимальные выгоды.

В тот скорбный для русского мира день А.С. Пушкин защищал, погибая, честь своей семьи [14], а Ж.Ш. де Геккерен д'Антес предавал свою честь, убивая ради своей жизни [15], – смысл и цели самой дуэли были разными. И Пушкин, и д'Антес были франкофонами, но французский язык Алек-

сандра Сергеевича был языком прикладного значения, отображающего принадлежность аристократической среде России, урожденный же франкофон д'Антес, прибыв для службы в государство Российское, остался исключительно франкофоном и не удосужился освоить российскую словесность, российскую культуру [16].

Таким образом, иницируя рассуждения о несданном экзамене по русской словесности, мы подразумеваем куда более глубокое предположение о большом пробеле в плане культурного ассимилятора, организуемого сейчас для современных мигрантов, с примером о пропущенном процессе инкультурации и адаптации Ж.Ш. д'Антеса в 1833–1837 гг. Проводя исторические параллели, можно судить, что заигрывание со всем французским носило красивый на поверхности, облигаторный для определенной среды того времени, но в глубине опасный характер для образованных подданных Российской империи, вносящий принципы и тем более ценностные критерии французской аксиологии в мировоззренческий план российской образовательной среды. Тем не менее Российская империя по своему жизненному укладу оставалась традиционной, монолитной системой в плане мировоззрения и витальной аксиологии. Российской среде, в ее понимании В.С. Соловьевым и Н.А. Бердяевым, была присуща определенная этическая семиотика смыслообразований и трактовок нравственности, приличия, категорий добра и зла, соборности, смирения, чести, семейных ценностей в их православном в первую очередь понимании, чего просто не могли постигнуть приезжие франкофоны.

Заключение

В трагедии 1837 г. сыграла роль и образовательная, культурная среда, которая создала такой симулякр, в котором франкофония развивалась параллельно русской соборности, а русская соборность облачилась во франкофонию, никак не коррелирующую со смирением и честью, а это было искусственным и нелепым.

27 января 1837 г. человек, не знающий русского языка, воспитанный в лучшем случае на идеях «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега, жестоко, цинично, предательски убил светоча российской поэзии, так и не поняв, кого он отнял у мира.

Список литературы

1. Абрамович С.Л. Пушкин в последний год жизни (Предыстория последней дуэли). Л., 1989. 195 с.
2. Витале С. Тайна Дантеса. Пуговица Пушкина / Пер. с англ. Е.М. Емельяновой. М.: Алгоритм, 2015. 381 с.

3. Сборник биографий кавалергардов. [1724–1899]: По случаю столет. юбилея Кавалергардского Ея величества государыни имп. Марии Федоровны полка / Сост. под ред. С. Панчулидзева. Т. 1. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1901–1908. 4 т. 35. [Т. 4]: 1826–1908. – 1908. XIV. С. 75–92.
4. Щеголев П.Е. Пушкин. Т. 1–2: Исследования, статьи, материалы. 3-е изд., просм. и доп. М. – Л.: Гос. изд-во, 1928–1931. 2 т.
5. Мальшев С.А. Военный Петербург эпохи Николая I. М.: Центрполиграф. 2012. 400 с.
6. Военная энциклопедия / Под ред. Ген. штаба полк. В.Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А.В. фон Шварца. Т. 1. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911.
7. Колобкова А.А. Российское национальное самосознание: обращение к образам прошлой педагогической реальности России XVIII–XIX веков, аспекты ретроинноваций в преподавании французского языка // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 4–2. С. 623–631.
8. Панчулидзева С.А. Сборник биографий кавалергардов. 1801–1826. СПб., 1906. 77 с.
9. Щеголев П.Е. Пушкин. Т. 1–2: Исследования, статьи, материалы. 3-е изд., просм. и доп. М. – Л.: Гос. изд-во, 1928–1931. 1 т.
10. Боричевский И.А. Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Временник пушкинской комиссии. 1937. Вып. 3. С. 371–392.
11. Graf Otto von Bray-Steinburg. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. K. von Heigel. Lpz. 1901. P. 11, 14. «Русск. арх.», 1882, I, 246.
12. Щеголев П.Е. Злой рок Пушкина. Он, Дантес и Гончарова. М.: Эксмо: Алгоритм, 2012. 381 с.
13. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: исследования и материалы. М.: Книга, 1987. 576 с.
14. Раевский Н.А. Избранное: О А.С. Пушкине. М.: Худож. лит., 1978. 492 с.
15. Колобкова А.А. Интерпретация как метод историко-педагогического исследования // Ценности и смыслы. 2020. № 1 (65). С. 84–94.
16. Колобкова А.А. Историко-педагогическое эссе как субъективный образ прошлой реальности // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 148–154.